

DOI: 10.15643/libartrus-2022.4.1

Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода». Часть I: Контроверза: власть, народ-интеллигенция

© В. В. Ильин

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.*

Email: vvilin@yandex.ru

Драматическое явление национальной истории – принудительная высылка из страны цвета культуры – представителей широких интеллигентских кругов – расценивается как повод для обсуждения глубокого вопроса роли образованного слоя, размышляющей публики в отечественной социально-политической жизни. Подробно рассматриваются причины противостояния, взаимного недоверия, недопонимания в череде взаимодействий основных субъектов гражданского процесса на российской почве. Акцентируется центральное: кому из всех ответственных инстанций – власти, народу, интеллигенции – нужна цветущая, а кому послушная держава?

Ключевые слова: интеллигенция, власть, народ, перспективы консенсуса.

«Философский пароход» (ФП) – собирательное понятие, характеризующее драматическое явление национальной истории столетней давности, – именно: тщательно спланированное большевистским правительством карательно-репрессивное мероприятие – насильственную высылку из страны «активных контрреволюционных элементов» из числа «буржуазной интеллигенции». Сообразно 75 статьи Уголовного кодекса, «контрреволюционная деятельность», при непосредственном руководящем участии Ленина, Троцкого, Зиновьева, Дзержинского, из России изгнали большую группу деятелей науки, культуры, образования, государственное отступничество которых заключалось в заявлении свободы совести, сиречь – диссидентстве – диссидентской претензии «сметь свое суждение иметь» по текущим вопросам социального устройства, проявлять (расцениваемую как настроенность «против советской власти») автономию миропонимания, персонального самоопределения, способность независимо мыслить, выбирать долю на стезе вовлечения, участия.

Как отмечал Троцкий, «мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода (! – **В. И.**), а терпеть было невозможно». Захват и подавление, лишение самостоятельности и насаждение бесправия, – переход к узурпации, – признак насильственной корпорации, колониального порядка в двояком смысле: оформлении подчиненной метрополии (центральной власти) периферийной зависимой популяции; оформлении маргинальной поднадзорной общежитной организации. Как ни странно, с момента, казалось бы, дающего значительные социальные послабления раннего НЭПа, в стране устанавливалась сатрапия – деспотическая система.

Высылка происходила порциями – в несколько приемов: в третьей декаде сентября 1922 г. – по железной дороге – поездами в Ригу, потом в Берлин; затем – морем – зафрахтованными у немцев пароходами «Обербургомистром Хакеном» – первый рейс из Петрограда в Штеттин (29–30 сентября) и «Пруссией» – второй рейс оттуда же туда же (16–17 ноября). Общее число принужденно выдворенных (с членами семей) варьировалось от 228 до 272.

За уголовно-политическим клеймом «наиболее активный контрреволюционер» с социально-философского угла зрения – вполне явное общественное явление: притеснительная ликвидация идейных оппонентов; демонтаж гражданского плюрализма; уничтожение персональной самодостаточности как правового статуса; упрочение тоталитаризма.

Большевистская волонтерная акция подытоживает эру властетерпимой фронды: «Я буду твоим цензором»; без следа улетучивается дух независимых исканий; сгущается одурманивающее напряжение «кто не с нами, тот против нас», разрешающееся отменой всякого и всяческого даже максимально лояльного, – но едино суть, – подозрительного, неблагонадежного вольнодумия. Гнетущее единомыслие, единодействие начинает держать на плечах своих Россию.

Безусловный энтузиазм по части собственных инициативных патриотических устремлений разбивается о плотину вероучительного всевластия: власти виднее. Послереволюционный, декларирующий дарование вождельных прав, свобод социалистический строй на поверку реставрирует гримасу «учительского» государства, отработанной «гносной палкой» предшественников – чингисидов, в который раз вгоняющего страну в прежнюю террористическую колею – пучину насилия. Безутешное «власти виднее» – унылый камертон национальной жизни, торпедирующий любую несанкционированную сверху тягу к державной оптимизации, модернизации, реформации – от выдворения на ФП представителей размышляющей публики, интеллектуальной элиты до расправы над сохранившими суверенность мнения правозащитниками: Синявским, Даниэлем, Лашковой, Гинзбургом, Добровольским (1965–1966); Григоренко (1964, 1969, 1977 – лишение гражданства, эмиграция); Буковским (арест 1971, осуждение, 1976 – обмен на Корвалана – с эмиграцией) и т.д.

Как, предаваясь грусти, в 1924 г. констатировал Бунин: «...мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью, и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину» [1, с. 209].

Не нашедших себя на Родине, удалившихся на чужбину, по разным оценкам, оказалось 3 миллиона, разбредшихся по 30 странам. Россия лишилась цвета нации, выдающихся соотечественников, переставших быть ее частью. Почему же с какой-то непостижимой периодичностью, недопустимым постоянством практикуется растрата «расы лучших» (Бердяев); почему вопреки здравомыслию воспроизводится правило «убывания плодородия»? Почему исход, разобщение, разрыв – обрубание корней, неистовство отвержения? Лишь несколько наугад взятых имен мартиролога экспатриации: 1922 – славная плеяда сподвижников «серебряного века»; 1931 – Замятин; 1971 – Шемякин; 1974 – Солженицын; 1976 – Неизвестный; 1978 – Зиновьев... пресловутое многоточие, за которым – Бродский... Почему стремление нарушить, расстроить, отправить на Голгофу «поругания, растерзания» (И. Ильин)... и – впасть в дикость насаждения «нового средневековья»?..

Добротную фактологическую канву случившемуся в приснопамятном 1922 – под оперативным присмотром комиссии в составе Уншлихта, Курского, Каменева – составляет С. Хоружий [19], – мы же, воспользовавшись печальными событиями вековой давности, воспримем их как удобный предлог, выводящий на простор обсуждения капитальнейшего: судьба интеллигенции в российском обществе с позиций уяснения перспектив симфонийности – несимфонийности отношений, возможности – невозможности достижения консенсуса в ставной конфигурации «интеллигенция – власть – народ»: кто на что покушается и как плачется.

Социально-философская, макросоциологическая трактовка «интеллигенции» прозрачна, до элементарного проста. Интеллигенция есть страта, общественный слой, определенная группа, необходимым и достаточным основанием обособления которой выступает функционально-ролевая принадлежность. Последняя уточняется признаковой имплементацией:

- выведение из системы живого – физического труда;
- высокий образовательно-квалификационный ценз;
- размещение в сфере умственного труда по созданию духовного, практически-духовного богатства.

Интеллигенция – социальный носитель интеллектуально емких компетенций – начинает формироваться в России со времен Петра, на государственном уровне принявшего за форсированную культивацию образованных специалистов, (независимо от происхождения) обладающих возможностью целенаправленно-целесообразно отправлять продуктивную деятельность.

Говоря кратко, интеллигентскую котерию образуют работники разных специальностей, причастных профессии не по родословным, натуралистическим, психо-физиологическим данным, а приобретенной в образовательной подготовке надлежаще удостоверенной квалификации. Здесь – офицерство, чиновничество, госаппарат, рациональная бюрократия, педагоги, медики, представители творческих, свободных профессий, ученые, инженеры, техники, литераторы, бизнесмены, политики, деятели искусства, служители культа и пр.

Учитывая, что обсуждаемый концепт инкорпорирован в языковую циркуляцию во второй половине позапрошлого столетия на российской почве, с легкой руки отечественных беллетристов признаковая база «интеллигенции» пополнялась неспецифической атрибутикой: гражданская ответственность, совесть нации, критически мыслящая способность, оппозиция самовластью, высокая нравственность, творческая сущность, культуросозидание, человеколюбие и др. На каком-то очень неформальном витке размышлений понять такую мыслительную линию можно: не хочется называть – в самом деле – того же дремучего погромщика культуры Хрущева (воспринимавшего «Обнаженную» Фалька как «Обнаженную Вальку») интеллигентом, – но принять невозможно; – формальнологические требования задания определенности когний (с четкой признаковой – не вкусовой – фиксацией содержания, объема, охвата определяемого) являются незабываемыми. В противном случае – безнадежная логомахия.

Отсюда, – с одной стороны, ограничивая признаковый перечень «интеллигенции» минимальным набором намеченных параметров, а с другой стороны, понимая гносеологическую условность такой процедуры и отдавая отчет в крайней многопрофильности обсуждаемого явления, – интеллигентская среда агрегирует либералов и консерваторов, активистов и абсентеистов, этатистов и антиэтатистов, новаторов и ретроградов, умеренных и радикалов, утопистов и реалистов и т.д., – детализируем автономное место интеллигенции в кругу участвующих в общественном взаимодействии полномочных инстанций, какими выступают помимо нее «власть» и «народ».

Подвергнем рефлексии статус самодостаточных вершин треугольной фигуры «власть – народ – интеллигенция».

Эпитет «самодостаточный» в предыдущей фразе, пожалуй, сильный: стержень, контрапункт обозначенного троецентриа – Родина, Отчизна, Отечество, чему посвящают служение и власть, и народ, и интеллигенция. Используя мысль Цветаевой [20, с. 618], правомерно утверждать: Россия – единственно она! – есть безусловность и непреложность, нерушимость и

неоспоримость. Абсолютность памяти, крови, побуждения, идеала... – все и вся – Россия. Нет ничего в общественном служении, что может быть с ней несвязанного. Нет России – нет мира, неба, любви, обиды... Есть пустота, немота, хронотопическая провальность, венаходимость, отверженность самоутраты, голость двуногого, на котором ничего: «ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы» (Варшавский).

Русским нельзя порывать с Россией. Как, будучи эмигрантом 30-х XIX в. (задолго до эмигрантов 20-х XX в.), отчаянно писал Печерин: «Мне никак не отделаться от России – я принадлежу ей самой сущностью моего бытия, я принадлежу ей моим человеческим значением» [13].

Нечто подобное – спустя почти век – у Г. Иванова:

...И совсем я не здесь (в зарубежье. – **В. И.**), не на юге, а в северной царской столице.

Там остался я жить. Настоящий (! – **В. И.**). Я – весь (! – **В. И.**).

Эмигрантская быль мне всего только снится.

И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

Судьба русских без России – превращаться в «незамеченное поколение», бесславно гибнуть [18, с. 449].

Поскольку же рябь может сменяться волнами, возможно перерождение: и власть, и народ, и интеллигенция, утрачивая высокие цели, ценности национально-патриотического служения, способны «сбивать прицел», терять правильность, крепость державного тонуca: вспомнить впадение в квислингианство (власть), анаэробное, инертное состояние (народ), протестное пособничество (интеллигенция), взрывающие изнутри государство. Сошлемся на типологические ситуации смуты XVII в.: безвластие, бездумная народная вольница, элитно-боярское компрадорство – смута конца XX – начала XXI в.: деградированная ельцинистская власть, нищий опустошенный народ, элитно-олигархическое компрадорство. С характерным

...не принять грядущей нови

В ее отвратной наготе.

(Бунин)

Безответственная, самоубийственная полужизнь «игры в бисер» без боли о Родине, которая незабвенна, – отвратительна, но допустима. А коли так, – законно модельное размежевание, мыслительное обособление лицедеев социальной интеракции в горнем сущностно сплоченных, в дольном явленчески разобщенных.

Вершина «власть». Легитимная система воздействия – влияния в опоре на убеждение – принуждение [7, 8] реализуется в формах:

- технически-институциональной – в соответствии с периодически выдаваемым формально конституирующим общесоциальным мандатом;
- сакрально-сакраментальной – согласно «давлению неумолимой неизбежности» (Франс) – под фирмой породы, рока («призвания»).

Первое – монархизм – до известных пределов (потеря функционально-функционерных – органических, управленческих – потенциалов), когда в невозможности отпирать полномочия – важнейшие дела предводителей монархии выпускают из своих рук, – как отмечал Гегель, – «вершина государства, собственная субъективная воля» правителя приобретает «по отношению к всеобщему и публичному лишь чисто формальный характер» [2, с. 188]. И – упраздняется. Второе – отвратительная культовая автократия, когда, по выражению Ленина, один – «диктатор» лучше всех (!) знает, как, куда, когда вести. Мнимая героика чудодейственного всезнайства

оформляется как культ личности – от «отца народов» Сталина (по квалификации на XIV съезде ВКП(б) Ворошилова, «тов. Сталину, очевидно, уже природой (?! – **В. И.**) или роком (! – **В. И.**) суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро») до заигравшегося в богдыхана Назарбаева, присвоившего себе помпезный титул «лидер нации». И – упраздняется (как мы теперь – *post festum* – прекрасно знаем).

Поскольку в России воплощается вторая форма (с проблесками политических «оттепелей», сменяющимися рьяными «подморозками») властеотвода, обретающая черты одиозности наша управленческая онтогенетика отличается устойчивым креном в сторону кратократии – «власти власти», высший интерес которой сосредоточен на собственном упрочении. Отсюда – гражданский сдвиг по вектору авторитаризма, патернализма, объективирующегося в личинах автократии – персональная диктатура; тоталитаризма – партийная диктатура; этатизма – государственная диктатура. С неизменным командно-приказным, центрально-административным, карательно-репрессивным регламентированием социального взаимодействия, ориентированным на силовое заявление могущества. Как точно передавал существо национальной ситуации во внешнем и внутреннем измерении Александр III, – «У России есть только два союзника – армия и флот». Не народ, не интеллигенция – созидающие, размышляющие слои, но силовая корпорация.

Беспардонное, ничем не ограниченное самовластие, неразвитость гражданских институтов, неотработанность механизмов сдержек и противовесов, препятствующих принятию волюнтарных решений, неосмотрительному заходу в экстремальные турбулентные состояния в режиме с обострениями, – бич России, смущающий на простор административного восторга, который, как ни печально сознавать, предрешает вершение отечественной истории – от гибельной эпопеи города Глупова до разлагающей эпопеи города Градова [5] – и который потакает изощренным наступлениям:

- на народ – в горячечных починах «по-новому» – «приближающему» к коммунизму «прямому продуктообмену», государственной форме собственности, наращиванию вала, ДИП («догнать и перегнать») и т.п.;
- на интеллигенцию – в зубодробительных кампаниях по избавлению от «крамолы» творческой среды – сатанинские циркуляры – Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (14 августа 1946 г., отмененный в 1988 г. как ошибочный); ЦК КПСС «О работе партийной организации Института экономики АН СССР по выполнению Постановления ЦК КПСС „О Мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве“» (декабрь 1971 г.); «О работе в Московском Высшем Техническом Училище им. Н. Э. Баумана и Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского по повышению идейно-теоретического уровня преподавания общественных наук» (5 июня 1974 г.), О кинофильме «Большая жизнь»; противодействию «легкому жанру»; развертыванию борьбы с ППЗ (преклонение перед Западом); заносимой модой; изоляции деятелей культуры (Русланова, Юрьева и др.); раскассированию «авангарда» и т.д.;
- на свободомыслие – в цивилизованно организованной социальности гарантированы права человека, свобода совести; у нас же – не по глумливому изыску К. Пруткова иногда-всегда – прожекты «введения единомыслия» – от «чугунного» цензурного устава 1826 г. Николая I, устанавливающего контроль над внутренней безопасностью;

воспитанием молодого поколения в духе «верноподданничества»; направлением общественного мнения в соответствии с намерением правительства, до закрытия кружков, обществ, академий, ассоциаций, борьбы с «космополитизмом» и т.п.

Во всем, везде – кратократия с порочным «в бараний рог», «в струну», «в ежовую рукавицу».

Карамзин осуждает Ивана IV за «омрачение России ужасами мучительства», влекущего запустение земель, оскудение мирной (от «мир» – люди) жизни. Подобные же претензии осмысленно адресовать Петру, большевикам, их последователям, либералам, выстраивавшим «регулярное» государство и поневоле выступавшим губителями «ординарной» жизни.

Российское государство – российская жизнь... Логика обихожения одного травмирует логику обихожения другого. И это – исключительно аквизит России.

Утрирование данного обстоятельства наводит на головоломное пушкинское: история России «требуется другой мысли, другой формы» [15, с. 324].

Оставляя до другого раза продумывание, почему у нас все – не так, как у всех, – как-то иначе, подчеркнем лишь примечательную особенность – любое ослабление власти в Отечестве – незамедлительно – вследствие подрыва его изнутри усилиями народа (масса), интеллигенции (элита) влечет ослабление, крах государственности [5, 9–11]. Нигде такого нет, у нас – есть, что накладывает, не может не накладывать, необходимый отпечаток на способ освоения объективного предмета, в категорической форме настаивая на особой рефлексивной стилистике.

Вершина «народ». С социологической точки зрения – население, жители; с социально-философской точки зрения – трудящиеся непритязательные слои, поддерживающие существование не «отрешенными», а «медленными», «малыми» трудами. С топологической точки зрения народ сосредоточен в специфическом топосе – не несущем негативного оттенка нацеленном на воспроизводство размеренной повседневной жизни – топосе о-бывания. О-бывание, обывательство, не требующее осуждения «мещанство» – своеобычная прочная стихия народа, поглощенного преимущественной заботой самопопечения – достижения благополучия, поддержания само-стояния, наращивания материального достатка, обретения довольства каждодневного проживания.

По своему стержневому кредо народ – не глобалист, не прогрессист; ему претит преследование абстрактных отчужденных планов, впадение в манию грандиоза, тираноборство, модельные упражнения. Народ – не монументалист. Его столп и утверждение истины – сохранение, упорядочение, предотвращение от ущерба через ненарушение уклада, оберегание имеющегося.

С психологической точки зрения, народ достаточно консервативен: опасаясь непрактичности служений «призывной новизны», проявляет осмотрительность ко всякого рода не идущим из его глубины починам, встряскам, программам перемен, расцениваемым под углом зрения «посягания на порядок», разгул произвола «начальников», подрыва отлаженного самотека рутинного, т.е. гарантийного существования. Гарантийность – сиречь о-бывание в русле старицы – оплот народного жизнепонимания по предусмотрительной формуле «лучше – не будет, хуже – не надо».

С политической точки зрения, народ – весьма инертная масса, проинтегрированные «люди», молчаливое безликое, безымянное человеческое «вещество», которому претят инициативы власти, прозрения интеллигенции.

Агенты трех оцениваемых вершин принадлежат разным разрядам реальности с разным ценностным антуражем, преобусловливающим их вхождение в разные сущностные пространства.

Сущностное пространство народа задано энтелехией «выживания» в малом времени (1); власти – энтелехией «громадь планов» в большом времени (2); интеллигенции – энтелехией «идеала» в великом (вечном) времени (3). В (1) доминирует здравомысленное упреждение; во (2) – конъюнктурное упрочение; в (3) – фарсовое (людическое) упражнение.

(1) Здравомысленное охранение и (2), и (3) воспринимаются как косное неразумие, – стесненность сознания узким сектором обзора, включенность деятельности в непритязательный контур прозаического жизнетока. В качестве следствия – аксиологическая рама трактовки (1) в уничижительных терминах тривиального заштатного локализма. Последнее выпячивают и современные пустячные троглодиты типа Чичваркина, допускающие по части народного слоя сардоническое вырождающиеся «нищоброды». Диаметральную противоположную позицию демонстрируют ответственные предводители Отечества типа Столыпина, рассматривающие народ становым хребтом нации, заслуживающим всяческого окормления.

Одно и другое – раритетные крайности. Между ними – устойчивость выказываемыми (2) и (3) тенденции снимать насущные запросы социальной реальности за счет народа.

Константный флер «за счет» подразумевает, – игнорируя волю, интересы трудящихся, достигать намеченного: в случае (2) – «программ», в случае (3) – «грез». В любом раскладе за самыми изощренными эвфемизмами – голая суть: «притеснение», «ограбление», «лишение» – вплоть до изничтожения – пресловутой депопуляции – от державных реформ Ивана Грозного, трансформировавших «массу» в «народ» укреплением государственности, до псевдодержавных реформ Горбачева – Ельцина, трансформировавших «народ» в «массу» ослаблением и разрушением государственности.

Какая угодно (за редким исключением) инициатива «верхов» – просвещенной власти, «передового» меньшинства, – и – лихолетье «низов». До такой степени, что их в пору щадить самому дьяволу. Как там у Гете:

...что ни говори, а плох наш белый (и в значении «белая кость») свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданьи,
Что мучить бедняка и я (сатана. – **В. И.**) не в состояньи.

Все протори, убытки – от социального, интеллектуального авангарда – (2) и (3), – подстегивающего вяло текущую жизнь, а потому обвиняемого в ее истреблении.

Действующему от «должного» авангарду нужны большие перемены, перестройки, решительные, крутые ломки; действующему от «сущего» народу нужно обережение. Путь от «ломки» не всегда завершается «стройкой», – что прекрасно представляет народ, сопротивляющийся опустошительным интервенциям в жизнь как власти, так и интеллигенции.

Необходимо, наконец, понять: народным миром (1) правит традиция; авангардными мирами (2) и (3) правит новация. «Традиция – новация» – две стратегии мироотношения, непосредственно не сопряжимы.

Власть, интеллигенция – идеократичны, обуреваемы тягой служить «высоте идеи». Народ – не идеократичен, ему чуждо стремление обслуживать, используя мысль Герцена, алгебраическую высоту идеи. Натурально, хочется взлететь к небесам обетованным, но – по острастке «лучше синица в руке, чем журавль в небе», – всеми фибрами души (по горькому опыту) народ отчаянно противится выступить статистом обмирщения «горячечных», часто

пустых, утопических взглядов, единосушно принимая в расчет: «основание небесной лестницы, по коей хотим мы взойти в горние сферы, должно быть укреплено (! – **В. И.**) в жизни» (Гофман).

Но этого-то не достигается...

В эпицентре образующейся коллизии активны разновекторные движения: от (1) – реализм; от (2) – тиранизм; от (3) – идеализм. До вступления в фазу социального форсажа с подключением директивных объективирующих инструментов техно-, социоморфизма, коллизия могла бы микшироваться, а то и сниматься включением толерантных процедур легально-легитимной выработки, принятия общесоциальных решений, для чего требовалось бы развертывание ламинарных институционально конституирующих рычагов вовлечения и участия, омассовления гражданского строительства, политико-управленческого процесса. Однако такой естественный ход в виде прогресса парламентаризма, народовластия в Отечестве был заказан. По вине народа, не боровшегося за свои права; по вине власти, всемерно торпедирующей «увенчание здания», консервирующей архаичные самодержавные устои.

Как после цареубийства высказывал внедренный во властный корпус заинтересованный интеллект-интеллигент (автор «Манифеста» 29 апреля 1881 г. «Об укреплении самодержавия») Победоносцев, народовластие, парламентаризм – великая ложь, плодящая жизненные болезни (того!?) времени вроде религиозного релятивизма, этического нигилизма, отвлеченного рационализма. Посему: «Очистим внутренность, поднимем дух народный, осветим и выведем в сознание идею (! – **В. И.**), – тогда грубая форма распадется сама собою и уступит место другой, совершеннейшей» [14, с. 323].

Просвещение народного духа, монархизм, этатизм, православие, – вот путь обустройства и перемен, за который в XIX в. ратовали Достоевский, Леонтьев, а в XX в. – высланные из страны страстотерпцы ФП.

(2) Власть программирует, затем технологически (техно-, социоморфизм) трансформирует жизнь. Продумывание такого диспозиционного строя человеческого существования своей предельной точкой имеет сталкивание идеальных – материальных начал антропного сущего.

Акцент целесообразно-целеполагательного момента в миротворении наводит на примат идеального. Выстраивается логичная картина: будирующая идея – омассовление идеи – преобразовательная ее объективация.

Достоинство картины – гуманитарный конструктивизм – утрирование креативного статуса антропной реальности, являющейся продуктом «абсолютного» созидания по дихотомизации: дочеловеческий универсум (неорганика, органика) суть богатство природы – человеческий универсум (надорганика) суть богатство культуры.

Недостаток картины – латентная радикальность, а значит, – безответственность. Одно дело – искусство – художественное проектирование – необязывающе-необязательные экзерциции *in mente*. Как у Сологуба: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт» [16, с. 7]. Иное дело – жизнь – ответственная деятельность *in re*.

Примат идеального влечет смешение топологических модусов: *in mente* и *in re*, превращает политику в искусство – насилующее «искусство жить». Подобная стратегия устройства мира – патернализм – отеческое попечительство, покровительство со стороны власти, ее припешницы, – падкой на высокомерную снисходительность интеллигенции. Но она (стратегия) претит народу, не понимающему и не принимающему патетику абсолютизма (максимализма,

экстремизма) «государство – это я» (Людовик XIV); «Я и мой дом» (Фридрих Вильгельм IV); «хочу – казню, хочу – жалую».

Народу, подчеркивалось, нужны гарантии. Интенция на гарантии влечет завязанный не на идеи, а на реалии акцент неимпульсивного легально-легитимного момента миротворения. С диаметрально противоположной картиной: наличное – практическая схема преобразования наличного – массовизация схемы с ее претворением.

Достоинство картины – остракизм антигуманитарности – утрирование консенсуального статуса антропной реальности, являющейся продуктом «относительного» созидания по дихотомизации: актуальный универсум суть безусловное богатство – потенциальный универсум суть условное богатство.

Недостаток картины – латентная паллиативность, а значит, – свехосторожность.

Оценка двух сценографий реальности с встроенным в ее контекст преобразовательным фактором навеивает объемные философские квалификации: «идеализм – материализм» – содержательная типология сущего предельной общности – получает социально-политическую спецификацию, – а именно: идеализм тяготеет к гражданскому активизму по вектору потенциальное наполнение; материализм – по вектору актуальное наполнение. С приуроченными к ним инструментами: радикализм, дирижизм, волюнтаризм, субъективизм, деспотизм – мелиоризм, консенсуальность, толерантность, демократизм.

Различия – в отношении к «потенцированию» – переходу от модуса «идеальность» к модусу «реальность», от «логоса» к «вещественности» через становление. Опосредующая определенность «становления» в одном случае уточняется в модели необходимости преодоления акцидентального «недобытия», в другом случае – в модели необходимости поддержания субстанциального «положительного обладания».

Максимализм – минимализм в конструировании сущего в опоре на роль «идеальной формы – материального содержания». С профессиональных позиций, проблема серьезна, глубока, но снимаема – снимаема перспективой согласования фигур *Lebenswelt* с *Wertswelt* [3] или в более приземленной редакции – сообщения техно-, социоморфизму причастия природо-, культуropодобию [6].

Для спорого движения в сюжете, однако, прояснение морфологии явления – не главное; главное – архитектура властной космологии, выстраивающейся на альтернативе: возвеличение ума-нуса, сконцентрированного в госаппарате, правительственной бюрократии, – возвеличение духа народа, сконцентрированного в «завете», «предании». Сосредоточение на идейном полете и рациональном расчете – сосредоточение на жизненной крепости, повседневной тверди; ставка на политический – в прочтении: «чистый», обслуживающий «Далекое» – разум; – ставка на обыденный – в прочтении: «практический», обслуживающий «Близкое» – разум. Творение «легендарного» – творение «насущенного», – в том великое отличие, доктринально фундируемое абстрактной типологией «идеализм – материализм», в гражданском, социально-политическом преломлении имеющей нетривиально-инспирирующее истолкование: народ – косное подножие власти; – власть – корыстная прислужница народа.

Избавим себя от тщеты пространного разъяснения, почему выбор между взаимоисключающими возможностями на национальной почве делается в пользу власти. Однозначно-однозначно – потому, что отечественный типаж правления до мозга костей – идеалистичный – отеческий. Не воля народа, вердикт «молчаливого» о-бывательского большинства – архимедов рычаг выживания; идеально-типическое проектирование, идеократическое программирование – «наше все» в постановке задач, выборе средств, принятии судьбоносных решений.

В некритически позитивистском мыслительном оправдании сказанного – при всей неожиданности заключения – участвовали и высланные на ФП корифеи философии, не расхотевшие с репрессировавшими их агентами новой-старой властной элиты, из полумрака царских гимназий вынесшими онтогенетический код – устав русской жизни: сарынь, на – кичку!

Выше всякого разума: как в стране, с 1917 г. директивно насаждавшей воинствующий материализм, не нашлось случая привить его полномочным спецам властного корпуса.

Капитальнейшее *conditio sine qua non* российских реалий – первоисточная идеалистичность, рефлексия причин которой, конечно, требуя особой мысли, специфической формулы, тем не менее эксплицирует две эссенциальные черты нашего строя.

Первое: цивилизационное отличие России от Запада, который при всех упреках в прагматизме, консюмеризме, бездуховности – живет, и весьма неплохо, по жизнеукорененной философии материализма.

Второе: затратно-досадные разломы, расколы двойчатки «власть – народ» в особенностях в ситуациях форсированных – вынужденных рывков. Любая модернизация, реформация, инновация беспрепятственно налаживается там и тогда, где и когда санкционируется материальной народной волей. У нас же пробивание инициатив не «согласно», а «вопреки» – с неисчислимыми издержками силовых воплощений.

Одиозный финал властного идеалистического вопрекизма, питаемого нескончаемыми авантюрическими мечтаниями, запусками фабрики грез, искусной промышленности покрывается обескураживающими исходами:

- «час испытаний», взыскующий немедленного разворота всех лицедеев национального процесса к народу как единственному спасителю Отечества;
- народный бунт – бессмысленный и беспощадный, ломающий любое правление, но не настраивающий управления;
- прозрение окончательно зарывающихся визионеров – патерналистов по части вынужденного «сбережения народа» (иначе – не только «некем взять» – следствие порочного непотистского регламента оформления управленческой элиты [4], но и «нечем править» – следствие опустошающей дворянско-крестьянской депопуляции).

Как видно, печалование о народе возбуждается в «минуты роковые», времена чрезвычайные – приближения катастроф, угрозы утраты идентичности; народ – последняя надежда спасения. Как бы ни было ему плохо, он всегда всех спасает, ибо в нем «общенациональные связи прочнее личных и даже родственных»; самая сталь корчится на полях России, но не вышедший из народа просточеловек [12, с. 325].

(3) Интеллигентское отрешенное образопроизводство «смуцает», – подвергает эрозии сокровенные материально-жизненные опоры. Многообразие самоутверждение интеллигенции описывается довольно точным понятием «вариация», обозначающим малость изменения независимого переменного (функционала). Совершенно ясно – все интеллигентские поиски – происки поля *purs senglots* по сокровенному – данному вне труда, как пение птиц.

Верно, сие трудно воспринимать, оценивать, понимать в разрезе дискурсивного, но все же можно – в разрезе интуитивного, склоняющего к парадоксальному (коего много в нашем «разумно-неразумном» и даже «безумном» мире): мир несется к... гибели, но остается прекрасным. Воистину: от великого до смешного «от критики до клиники» (Делез) – никакой дистанции, ни малейшего шага.

Тезис Троцкого, будто «...эмиграция не может назвать ни одного имени, ни одной книги», ей «просто-напросто нечего сказать» [17, с. 34] – запальчив, предвзят, преувеличен, несправедлив. Имелись имена, книги, слова. Однако по большей части – невнятные.

Растерзан мир, разрушена судьба, низвергнуты святыни; обстановка телесной боли, духовного мучения... Что же – образное самосознание в пророчествах выдворенных его носителей? Ограничимся звучащими декрещендо опусами Г. Иванова.

Опус 1.

Хорошо, что нет царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
...
Хорошо, что никого.
Хорошо, что ничего.

Ну, а что – хорошего?!

Опус 2.

И нет ни России, ни мира,
И нет ни любви, ни обид –
По синему царству эфира
Свободное сердце летит.

Не уберечься от шквала набегающих вопросов: почему – эфира? Как – свободное? Куда – летит?

Идеальная вымученная модель «эфирной» реальности со «свободно» летящим «сердцем» – своим «нутром», которое ловит и не может поймать по недоумию выпроставший его выдохшийся интеллигент – первоисточно – *terminus a quo* исключена из *corpus solidum* как народа, так и власти, в общем, чурающихся пустяков издержанного, экзальтированного существования.

Сказанное, собственно, составляет неизбывную внутреннюю трагедию нашей интеллигенции, от одного берега отставшей, к другому берегу не приставшей. Трагедию жизненного эскапизма. О чем – на материале судьбической линии Г. Иванова исчерпывающе – Блок: «Он спрятался сам от себя, а хуже всего... то, что... не сам спрятался, а его куда-то спрятала жизнь, и сам он не знает, куда...»; слушая его стихи, «можно вдруг заплакать – не о стихах, не об авторе... а о нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи ни о чем, и вместе с тем – как будто нет этих стихов, они не существуют совсем...»

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №220635).

Литература

1. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // *Под серпом и молотом*. Лондон, 1975.
2. Гегель Г. В. Ф. *Сочинения в 14 т.* М.: Полиграфкнига, 1938. Т. XII. 494 с.
3. Ильин В. В. *Аксиология*. М.: Проспект, 2021. 192 с.
4. Ильин В. В. *Мир Globo: вариант России*. М.: КДУ, 2009. 255 с.
5. Ильин В. В. *Новый миллениум для России: путь в будущее*. М.: изд-во МГУ, 2001. 224 с.
6. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, 2020. 160 с.
7. Ильин В. В. *Философия и власть. Ч. I: Архитектура власти // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. №4. С. 211–223.*

8. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. II Аппретура власти // *Российский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. №5. С. 277–296.
9. Ильин В. В., Ахиезер А. С. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности*. М.: изд-во МГУ, 2000. 301 с.
10. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. *Реформы и контрреформы в России* / Под ред. В. В. Ильина. М.: изд-во МГУ, 1996. 400 с.
11. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы* / Под ред. В. В. Ильина. М.: изд-во МГУ, 1997. 382 с.
12. Леонов Л. М. *Собрание сочинений в 5 т.* М.: ГИХЛ, 1954. Т. 5. 440 с.
13. Печерин В. С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // *Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников*. М., 1989.
14. Победоносцев К. П. *Великая ложь нашего времени*. М.: Русская книга, 1993. 638 с.
15. Пушкин А. С. *Собрание сочинений в 10 т.* М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. 590 с.
16. Сологуб Ф. *Творимая легенда*. М.: Современник, 1991. 572 с.
17. Троцкий Л. Д. *Литература и революция*. М.: Политиздат, 1991. 399 с.
18. Ходасевич В. Литература в изгнании // *Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. В 2 т.* М.: Искусство, 1994. Т. 2. 682 с.
19. Хоружий С. С. *После перерыва. Пути русской философии*. СПб.: Летейя, 1994. 445 с.
20. Цветаева М. *Собрание сочинений в 7 т.* М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. 720 с.

Поступила в редакцию 01.08.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.4.1

Intelligentsia in National History: on the 100th anniversary of the “Philosophical steamship”: Part I: Controversy: the government, the people-the intelligentsia

© V. V. Ilyin

*National research center “Kurchatov Institute”
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

The dramatic phenomenon of national history – the forced expulsion of their country of the color of culture – representatives of broad intellectual circles – is regarded as an occasion for discussing the deep question of the role of the educated stratum, the reflecting public in domestic socio-political life. The reasons of confrontation, mutual distrust, misunderstanding in a series of interactions of the main subjects of the civil process on the Russian soil are considered in detail. The central point is emphasized: who of all the responsible parties – the government, the people, the intelligentsia – needs a blooming nation, and who needs an obedient one?

Keywords: intelligentsia, government, people, prospects of consensus.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 220635).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Intelligentsia in National History: on the 100th anniversary of the “Philosophical steamship”: Part I: Controversy: the government, the people-the intelligentsia // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 4. Pp. 217–230.

References

1. Bunin I. A. *Pod serpom i molotom*. London, 1975.
2. Hegel G. V. F. *Sochineniya v 14 t. [Works in 14 volumes]*. Moscow: Poligrafkniga, 1938. T. XII.
3. Il'in V. V. *Aksiologiya [Axiology]*. Moscow: Prospekt, 2021.
4. Il'in V. V. *Mir Globo: variant Rossii [Globo World: a variant of Russia]*. Moscow: KDU, 2009.
5. Il'in V. V. *Novyi millenium dlya Rossii: put' v budushchee [New millennium for Russia: the way to the future]*. Moscow: izd-vo MGU, 2001.
6. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa miracula: total anthill]*. Moscow: Prospekt, 2020.
7. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 4. Pp. 211–223.
8. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 277–296.
9. Il'in V. V., Akhiezer A. S. *Rossiiskaya tsivilizatsiya: sodержanie, granitsy, vozmozhnosti [Russian civilization: content, boundaries, opportunities]*. Moscow: izd-vo MGU, 2000.
10. Il'in V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. *Reformy i kontrreformy v Rossii [Reforms and counter-reforms in Russia]*. Ed. V. V. Il'ina. Moscow: izd-vo MGU, 1996.
11. Il'in V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy [Russian statehood: origins, traditions, prospects]*. Ed. V. V. Il'ina. Moscow: izd-vo MGU, 1997.
12. Leonov L. M. *Sobranie sochinenii v 5 t. [Collected works in 5 volumes]*. Moscow: GIKhL, 1954. Vol. 5.

13. Pecherin V. S. *Russkoe obshchestvo 30-kh godov XIX v. Lyudi i idei. Memuary sovremennikov*. Moscow, **1989**.
14. Pobedonostsev K. P. *Velikaya lozh' nashego vremeni [The great lie of our time]*. Moscow: Russkaya kniga, **1993**.
15. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii v 10 t. [Collected works in 10 volumes]*. Moscow: Goslitizdat, **1962**. Vol. 6.
16. Sologub F. *Tvorimaya legenda [Created legend]*. Moscow: Sovremennik, **1991**.
17. Trotskii L. D. *Literatura i revolyutsiya*. Moscow: Politizdat, **1991**.
18. Khodasevich V. *Russkaya ideya. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ya. V 2 t.* Moscow: Iskusstvo, **1994**. Vol. 2.
19. Khoruzhii S. S. *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii [After the break. Ways of Russian philosophy]*. Saint Petersburg: Leteiya, **1994**.
20. Tsvetaeva M. *Sobranie sochinenii v 7 t. [Collected works in 7 volumes]*. Moscow: Ellis Lak, **1994**. Vol. 4.

Received 01.08.2022.